

Наталья АХОНЕН

г. Питкяранта,
Республика Карелия

Чешуйки серебристого сиза

рассказ

— **Н**а сегодня хватит, пожалуй. — Кряхтя, попробовал распрямить занемевшую спину Ниило.

Отложил в сторону только что оконченную работу — плетеную корзину — и вышел из-под навеса. Там, возле низенькой скамейки, возвышался маленький курган из разнокалиберных корзин, без которых не обходится ни одно хозяйство в карельской деревеньке. Каждая светилась нежным золотом, и горка из корзин казалась живым теплокровным существом. Потирая ноющую поясницу, Ниило зашпешил к открытому в доме окошку, поблизости от которого он и устроил себе рабочее место. «Что-то старухи моей давно не слышать, — взволновалось и тревожно забухало вдруг сердце, — как бы она не того... упаси Господь!»

— Айно! Айхоша! — позвал дед осипшим враз голосом и, задрав седую голову, стал вслушиваться в тишину избы. — Старуха моя, да ты жива ли?!

— Ну чего голосишь, старый? Покою нет от тебя, разбудил, — ворчливый голос, донесшийся из нутра избы, успокоил Ниило. Через миг он зазвучал уже мягче, с просящими нотками:

— Клюквы мне потолки, кисленького хочется...

— Сейчас, бабуля, я тебе и клюковки, и... лимону с чаем! — Полетел к крыльцу дед на всей скорости, которую позволяли ему развить шелкающие в суставах ноги.

Они с Айхошей разменяли уж седьмой десяток. За плечами — целые эпохи: советско-финляндская и Отечественная войны в обрывках детских воспоминаний, послевоенная разруха, голод, бесконечные дни, месяцы, десятилетия, наполненные тяжелым трудом. Только выбирались из одних передрыг, как родная страна, любительница кризисов, подкидывала другие. Эх, Россия-матушка! Не про тебя ли поется: «Беспокойная я, успокой ты меня!..»? Только покой тебе не нужен, ищешь приключений...

Сбросив башмаки под лавку на просторной веранде, Ниило привычно огляделся и в сотый раз похвалил себя, что нашел-таки в себе силы отремонтировать хату, — не слушая протестов жены, которой жаль было расставаться с их скромными сбережениями, не надеясь на помощь детей, которые наезжали в каникулы и радостно сыпали из автомобилей одуревших от мобильных и компьютеров внуков, отказавшись от предложений местных алкашей-умельцев. Истинная причина рвения последних задумавшему ремонтировать Ниило была ясна. Может, когда-то их руки и слыли золотыми, да срок действия былой славы давно истек. Ошибается тот, кто говорит, что мастерства не пропьешь. Пропить можно всё — даже жизнь. Нужен крепкий стержень, чтоб держаться, да немногие успевали ухватиться за него. Трудно? Тяжело жить? Ну и чего дергаться — легче глаза залить и плыть по течению. Ниило это дело не уважал. Ежели случалось в деревне или в семье торжество, от стопочки, конечно, не отказывался, но меру свою знал четко. Как только ударит в голову жар да начнет строгое лицо его жены Айно стремительно молодеть — так, значит, стопку горлом вниз и баста! Незаметно прикрывая ладонью ухо, кивал он в такт пронзительным песням карельских

старух. Напьешься — лучше не будет, только позору не оберешься. Да рассолом дня два отпиваться будешь, желая легкой смерти, а вот работа встанет. Не жаловал Ниило таких работников, что с первых дней клянчили аванс, а потом исчезали. Потому и решил сам дом подновлять.

Неторопко: с ранней весны начал и до самой осени сам возился, — зато теперь изба в терем превратилась, приятно посмотреть. И свои деревенские забегают вроде по делам, а сами головами крутят, и приезжие, особенно туристы, сразу внимание на их домик обращают: первый он сразу за железнодорожным полотном и стоит, смотрит на мир новыми крепкими окнами. Наотрез отказался Ниило от советов осквернить избу новомодным пластиком. Своими руками отстругал каждую раму, словно картину, вставлял в нее стекла. Картины и вышли, если из избы глядеть, а со стороны улицы — дом с чистыми глазами.

В комнатах мало что сам менял — тут как раз невестки с дочерью расстарались: поклеили, побелили, покрасили. Против нарядных заграничных обоев Ниило не возражал. Раскатали бабы перед ним рулон — лишь ахнул про себя: «Красиво!» А те, стараясь особо придиричвому критику не перечить, смекнули, как ему угодить. Для «залы», как сами старики называли горницу в три окна, что-то богатое выбрали — обои с золотыми ободками по благородным темно-зеленым полосам, так что, усевшись в любимое кресло новости посмотреть, ощущал Ниило особую торжественность. В спальне по настоянию жены, любившей цветы, на стенах распустились целые сады, но опять же без излишеств — не пестрило в глазах. А уж в той комнатушке, где теперь хозяин дома почивал, и вовсе спартанская обстановка осталась: узкий лежак, стул да шкаф со времен уж и сам не помнил каких.

Когда Ниило с верным псом Диком уходил в Ладогу на два дня, родня приготовила ему сюрприз. Поздним вечером вернулся рыбак, пока растянул на просушку сети, пока выпил горячего крепкого чая, уж не чуял, как до

постели добрался — так и рухнул, не зажигая света, лишь порты уличные сбросил. А утром проснулся, глаза открыл да так и застыл, не в силах подняться. Стены — такие же, как волны Ладоги в погожий день, но немного словно дымкой подернуты, и потому не режет глаз ультрамарином, и пол какой-то золотой, непривычно ровный. Невестка объяснила потом: ламинатом называется. И картины напротив постели висят в белых строгих рамках. На одной — знакомое до последней коряги побережье, полоса ночного горизонта и лодка рыбацкая, как люлька на волнах. И лодка, и фигурка в ней, что распахнула руки с рыбацкой сетью, будто не серебристого сига, а саму луну поймать решила, — всё показалось Ниило знакомым. Батюшки светы! Ну, конечно, — вон и остроухая башка Дика на корме торчит! Ай да зять, ай да молодец! Приезжал прошлой осенью погостить с семейством из Твери, напросился с Ниило на ночной лов. Тот, чертыхаясь про себя (не любил, когда нарушали его раздумное одиночество), не решился отказать гостю. Не чужой поди человек, да и кто их знает, этих художников?.. Обидится еще да не станут с дочкой приезжать. И жена тогда взгляд от печки метнула, как гранату, — попробуй, мол, не возьми! Ниило лишь мотнул согласно головой — «собирайся». Смешно: тридцатипятилетний мужик под метр девяносто ростом, а поскакал, как малый телок, сапоги искать. И внучок следом мячиком запрыгал: «Ну, папка! Ну, дедуль, и я хочу!» Еле отговорили: мал еще, да на всю ночь, да городской, не дай Бог расшалится в лодке. Это теперь уж он поспокойней сделался, нет-нет да и пристроится к Ниило, если тот рыбачит недалеко от берега.

А в тот раз старик не пожалел, что зятя взял. Юрий не мешал, лишь очутились в Ладоге — затиш, подолгу глядя, как казалось старику, в одну точку. Только когда пришло время дельную помощь оказать — бесшумно на веслах вдоль острова пройти да сети вытащить, сильно удивил тестя, показав свою хватку и в том, и в другом. А точка та самая оказалась непростой — с нее Юрий весь мир, к которому Ниило уж давно привык, как к родной из-

бе, по-своему увидел. Теперь этот знакомый новый мир прямо в комнате поселился.

Приметил Ниило и вторую картину на стене — сад, да не та его часть, где Айно каждую весну свои цветики-семицветики высаживает, а другая — заросшая буйной зеленью, с кряжистой старухой яблоней, в тени которой плел поначалу свои корзинки Ниило. Вот и низенькая лавка, у подножия которой лоза и прутья сложены, даже нож с резной рукояткой, который был неизменным помощником в этой работе, на лавке очутился.

В общем, хоть и гостей Ниило в свою келью допускать не любил, но переменами в ней остался доволен. А за зятя — талантище, как он про себя подумал — гордость распирала. И уж место рядом со стариком в лодке на много лет вперед ему было обеспечено.

Все остальное Ниило сам доделал, даже веранду новую выстроил — считай, целый холл к избе приладил. И диванчик там поставили — кому жарко, тот летом на нем спал, и для сундука старинного, что в кладовке полвека уютился, место нашлось. И половики узорчатые, которые много лет ткала Айно, не хуже дорогих ковров свежий пол украсили. Не забыл дед и о жизненно важном — еще одну всем нужную пристроечку к веранде пристукал. Да все по уму и с утеплением, чтоб не бегала его Айхошка по ветру в морозы через двор. Чай, не молодые, комфорту заслужили. Так и обновил весь дом, по мере сил до ума довел. Положив последнее ведро краски, слез с лестницы — приготовился со своей старухой спокойно старость проживать, но тут пришла беда.

Нежданная гостья — болезнь — змеей вползла в дом и стала изнутри пожирать Айхошу. За зиму та превратилась в тень. Пришлось срезать последние пряди белокурых кос, от которых остался редкий седой пух. Жена быстро теряла зрение. Телевизор, как раньше — хоть изредка, после трудов, вместе теперь не смотрели. Айно всё больше серчала и раздражалась, тая от немочи. Она бранилась, ворчала и, боясь в одночасье сделаться ненужной в доме, пыталась везде поспеть со своими попреками. Жалея болезную, пряча глубоко в душе собственные страхи от стремительно

набирающего силу жениного недуга, Ниило только прерывисто вздыхал.

Летом та никаких цветов уже не сажала. Что самосевом взошло — то и распустилось. Осторожно держась за свежеструганные косяки, выходила вечерами старая Айно на крыльцо, садилась на ступеньки и рассеянно смотрела вокруг. Пара пестрых куриц по привычке бросалась к ней, но, так и не дождавшись подачи от заботливой прежде хозяйки, разбредались птицы по кустам. Старый пёс Дик — верный сторож их хозяйства и почетный напарник Ниило на рыбалке, бряцая цепью, вяло приветствовал хозяйку. Убедившись, что та и его не замечает, лениво возвращался на место возле будки, но, храня уважение и преданность хозяйке, не плюхался на бок в примятую траву, как обычно, а оставался сидеть, чутко прядая ушами и следя за всеми, кто приближался к калитке. Лишь древняя клокастая кошка Сара удостоивалась внимания старухи, начинающей видеть зыбкую грань между мирами. Стоило включиться кошачьему моторчику и услышать его равномерное урчание, как вздрагивала рука, обтянутая тонкой морщинистой кожей, и тянулась к животному. Погрузившись в тепло мягкого кошачьего бока, пальцы слабо шевелились, поглаживая мех.

Звук мотора в памяти раздавался все громче, а мысли уносили Айно далеко-далеко — туда, где, смеясь, перебирает Ниило ее растрепанные морским ветром шелковистые пряди, выбившиеся из кос, где сам он — молодой, не то чтобы красавец, но крепкий, видный парень в тельняшке с ярко-синими полосками. Он — моторист на рыболовецком судне, а потом и помощник капитана. И все подружки в деревне завидуют: вот ведь Айхошка, зеленая еще, а жениха нашла первая! Тогда, в 1951 году, ей всего шестнадцать было, а ее Ниило немногим-то и больше — восемнадцать годков стукнуло! Свадьбы как таковой не было: некому было родней назваться, никого в живых у обоих после войны не осталось. Лишь раздался стук в дверь комнатки, где приютила бабка-соседка осиротевшую Айхошу, да вошел в нее

бравый моторист с охапкой кувшинок в руках, перемешанных с оранжевыми купальницами. Это бьющее в глаза веселое солнце цветов врзалось в память Айно на всю жизнь. И потом, когда муж приносил ей на рождение их троих детей модные гвоздики, и когда дарил, бывало, перед гостями на юбилей их свадьбы — жемчужной, серебряной, золотой — гордые розы и помпезные хризантемы, от малчивалась она, храня в душе те желто-оранжевые брызги жизни. Вот и сейчас, когда память отрывалась от разума и ускользала вместе со здоровьем, мысленно цеплялась седая Айно за то солнце из кувшинок, и цеплялась за него из последних сил.

Во время таких ее посиделок на крыльце частенько перебирался Ниило вместе со своими корзинками и лавочкой из-под яблони на другую сторону двора, устраиваясь напротив жены. Хоть и досаждало ему то, что всяк, проходящий мимо, задирает над калиткой любопытную голову, зато за женой присмотреть мог — мало ли чего.

Как-то в один из вечеров старик почуял неладное. Мало того что никак не ладилось привычное ремесло — то прут выскочит, больно хлестнув по щеке, то нож норовит вместо палочки палец отрезать, примешалось ко всему чувство неясной тоски и стало расти, расти, пока не показалось Ниило, что остался он один во всей вселенной. Резко подняв голову, он уставился на пустое крыльцо. Как же сразу не заметил, что жены-то нет?! Не сидела она, как обычно, с отрешенным видом, не поглаживала невесомой рукой дряхлую кошку.

Пулей взлетев на крыльцо, забежал он в дом. Тишина испугала больше, чем оглушительные взрывы во время бомбежки фашистами Приладожья, которые помнил с молодости. Удивленно глядя в потолок, лежала Айно в горнице у самого порога. Трясушимися руками Ниило приподнял жену, осмотрел и, убедившись, что та не поранилась при падении, с трудом дотащил ее до постели. Он впервые за долгое время схватился за мобильный телефон, подаренный детьми давным-давно. Уговаривали: не

ходи в Ладугу без него, береженого бог бережет, будь всегда на связи! Но Ниило постоянно забывал непривычную штукювину то в карманах одежды, то дома, да и потерять боялся дорогой подарок. И вот сейчас он впервые обрадовался, что не надо бежать к соседям проситься к телефону. Суетливо копаясь в старом блокноте с уже пожелтевшими от времени страницами, он нашел запрятанный в уголок обложки клочок бумаги с записанными дочкой номерами телефонов экстренных служб. С непривычки и от волнения Ниило не сразу сумел набрать номер скорой.

Жену увезли в больницу райцентра. Старик в одиночестве сразу осунулся, стал еще нелюдимее. Из дому выходил только для того, чтобы успеть на автобус в город. Каждое утро — туда, каждый вечер — обратно. В палате у Айно он проводил не более получаса — незачем было торчать среди полуодетых женщин разных возрастов. Посидев у постели безмолвной жены, украдкой легонько погладив ее руку, он выкладывал на тумбочку привезенные гостинцы. Знал, что они ей сейчас не нужны, да как же с пустыми руками-то?.. Угощал остальных... А затем выходил в гулкий больничный коридор и ждал докторов... Те спешили по своим неотложным делам, но обязательно кто-то из них приглашал Ниило в ординаторскую, и следовали объяснения на непонятном медицинском языке. Что такое сахарный диабет, Ниило сразу понял. Это та беспощадная гадина, что превратила его статную, светившуюся тихой благородной красотой почтенного возраста Айхошу в развалину.

Здесь же, в райцентре, жили оба сына. По вечерам, сменяя друг друга после работы, они с женами дежурили возле больной. Упрямо отказываясь от приглашения заночевать у детей, с наступлением сумерек Ниило устало плёлся на остановку и уезжал домой. Через две недели врач вызвал старика на личную беседу. К тому времени правая нога Айно распухла и приобрела пугающий синюшный оттенок. Оказалось, она давно глубоко занозила ступню, наверно, когда сидела на крыльце босиком, а болезнь только этого и до-

жидалась — гангрену было не остановить. Сначала Ниило мысленно не мог согласиться с ампутацией, никак не хотел верить, что другого выхода нет. Он со страхом представлял, как воспримет это известие его гордая старуха. С ужасом рисовал в мятущемся уме картины, в которых Айно пыталась привычно встать на обе ноги и падала, обнаружив, что одной из них нет. А время уходило, но все необходимые бумаги были подписаны лишь после того, как из палаты Айно вышел младший сын, закусив дрожащие губы.

Ко всему привыкает человек. Привыкла ли Айно к тому, что возле постели поблескивает спицами в больших колесах вечное теперь для нее инвалидное кресло? Что деревенский быт, к которому они с Ниило давно приспособились, заставляет ее звать мужа в самые неудобные моменты, когда, будь все как прежде, она бы лучше умерла на месте, чем позволила ему вмешаться? Привыкла ли, что дети и внуки, которые теперь часто бывают в родительском доме, вкладывают ей в руки кусок хлеба, потому что она его не видит?

Об этом она ни с кем не говорила. Она даже реже стала плакать по ночам, хотя первое время после операции ее подушка не просыхала. В помутившийся разум стали проникать ясные лучи. За окнами совсем ошалели от тепла синицы. Лежащая изголовьем к окну, Айно не видела мелькания желтопузых стрелок, но слышала их радостное пение. Весна в разгаре — скоро смолистыми почками запахнет, а летом снова надолго нагрнут внуки. В новогодние каникулы они все приезжали бабушку проведать, да не до того было после операции. Мелькнули перед глазами их ошарашенные, испуганные мордашки и исчезли — махнула рукой, велела прочь увести. Но до самого отъезда слышала, как дети приучали малышей спокойно относиться к несчастью и старались сохранить заведенные в доме порядки.

«Как, вы руки перед обедом не помыли? Так и сели с грязными? А вот бабушка узнает, что скажет?!» — строжила сыновей старшая дочь — и тут же доносился торопливый топот в направлении умывальника.

«Маруся, что же ты капризничаешь? Вот бабуля поправится, спросит, как себя вела наша Марусенька? — непривычно многословно заливался Ниило. — И что мы ей скажем? Плохо?»

Домашняя суета и хлопоты детей не давали Айно уйти в себя. То и дело из-за полуприкрытой двери раздавался тоненький голосок внучки или басовитые, как у деда, голоса мальчишек: «С добрым утром, бабулечка!», «Привет, бабуля!», «Пока, бабуля!», «Поправляйся, бабушка!» Когда все разъехались, Айно уже мысленно начала строить зыбкие планы на лето.

Наступил тот долгожданный летний день, когда она восседала на своем нынешнем двухколесном троне и с высоты крыльца обводила рассеянным взглядом двор. А двор их — как целая жизнь: ловко плетет свои корзинки Ниило, который не доставал лодку из сарая с прошлого года, — вот зятя поджидает, может, и решится еще разок с волнами побороться; кошки Сары уж нет, она и так пережила на этом свете все годы, ее роду отведенные, а верный Дик брешет шепотом — голос пропал, оттаялся, но при слове «рыбалка» так молотит хвостом, что только пыль столбом вокруг. Огород зарос сочной травой, зато под

окнами избы невестки цветник разбили. И цветы там какие-то диковинные, не такие, как Айно когда-то разводила, — привычные примулы, да бархатцы, да ноготки. Но эти тоже красивые, хоть и сливаются они у старухи в глазах в разноцветные пятна.

А вот и внуки стайкой в калитку влетают и бегом к Айно: «Смотри, бабулечка! Это — тебе!» И опрокидывается солнце к ней на колени. Слабыми руками перебирает Айно что-то прохладное, свежее, родное до боли. Поднимает к глазам, зажмуривается и ...вдруг видит! Отчетливо видит целый сноп из солнечных лучей, что бьет из чашечек кувшинок и купальниц и пускает зайчиков по всему двору! Один из бликов падает на склоненную над корзиной голову Ниило и, смешавшись с серебром запутавшихся в остатках его волос рыбьих чешуек, отражается обратно. Прижав цветы к груди, Айно встает, окруженная этим сиянием, и легко, не касаясь ступенек, спускается с крыльца навстречу мужу, его смеющемуся лицу, засиявшим, как в молодости, глазам цвета северного моря.

□

Наталья АХОНЕН

работает корреспондентом

в редакции газеты «Новая Ладога»

в г. Питкяранте в Карелии.

Стихи публиковались в журнале «Север»,

районной газете,

сети Интернет.

